

УДК 165
ББК 87.22
И 46

Н.А. Ильинова,

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 89184926097, e-mail: nady_i@bk.ru

Междисциплинарность как характеристика гуманитарного познания в концепции Л.Н. Гумилева

(Рецензирована)

Аннотация. В статье автором отмечается такая характеристика современного познания, как междисциплинарность. Анализируется полидисциплинарная концепция Л.Н. Гумилева, рассматривающего синтез гуманитарного и естественнонаучного знания как необходимый компонент исторической науки.

Ключевые слова: гуманитарное и естественнонаучное познание, история, полидисциплинарность, методика, подход, наука.

N.A. Ilyinova,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-918-492-60-97, e-mail: nady_i@bk.ru

Interdisciplinarity as characteristic of human cognition in the concept of L.N. Gumilev

Abstract. The paper discusses such characteristic of modern cognition as interdisciplinarity. An analysis is made of multidisciplinary concept of L.N. Gumilev, who considers synthesis of human and natural knowledge as a necessary component of history as a science.

Keywords: humanities and natural knowledge, history, multidisciplinary, methodology, approach, science.

В классическом понимании научное познание — это познание, рассматриваемое с позиции позитивизма, то есть как естественнонаучное познание. Длительный промежуток времени гуманитарное познание либо относилось к сфере ненаучного познания, либо рассматривалось с точки зрения идеалов и норм естественнонаучного познания. Ситуация стала радикально меняться в последнее время. Оказалось, что большая часть очевидных знаний о природе, специфике и структуре гуманитарного познания и познании вообще должны быть подвергнуты коренной переоценке. Ускоряющийся научно-технический прогресс выявил неизбежные и имманентные пределы, связанные с ограниченностью природных ресурсов, политической неста-

бильностью, социальными конфронтациями, растущей неустойчивостью человеческой психики. Появившееся под оптимистическим лозунгом «Знание — сила» современное естествознание становится одним из определяющих факторов развития рискованного бизнеса, утрачивает культуuroобразующую функцию и порождает многочисленные глобальные проблемы. Однако развитие гуманитарного знания и общественные движения антисциентистского характера корректируют данный процесс, благодаря чему появляются альтернативные парадигмы в области естественных и технических наук, необходимыми элементами которых становятся гуманитарная составляющая, социальный контроль, междисциплинарное взаимодействие. Междисципли-

нарные взаимодействия в современной науке являются обычным, повседневным делом, считает И.Т. Касавин.

В рамках данной работы нам хотелось бы остановиться на понимании междисциплинарности как особенного в гуманитарном познании с позиции Льва Николаевича Гумилева, сочетающего энциклопедические познания, оригинальность концептуального мышления и невероятный талант интереснейшего изложения своих мыслей. Полидисциплинарный подход, представленный синтезом гуманитарных и естественных наук, использованием методологии естественных наук в обосновании этнических явлений приобретает особую значимость в свете современных требований, предъявляемых обществом к научному познанию.

Говоря о специфике гуманитарного, и в частности — исторического, познания, Л.Н. Гумилев настаивает на необходимости интеграции гуманитарных и естественнонаучных подходов, предлагая заимствовать в арсенале естественных наук все, что может оказаться ценным для гуманитария. Наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство [1;10], считает он, и выстраивает историческое исследование в соответствии с одним из принципов естествознания — принципом систематизации, предъявляющим требование поэтапного научного анализа. Интерполяция в истории демонстрирует пример системного метода, позволяя восполнить информационные пробелы в имеющейся картине посредством обозначения причинно-следственных связей, моделирующих первоначальную канву событий.

Один из первых тезисов, привлекающих внимание исследователя в работе Льва Николаевича Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» — это тезис о том, что за видимым разнообразием кроется единый принцип, который характерен для всех наблюдаемых феноменов; ученый утверждает, что калейдоскоп невозможно изучить без внесения принципа классификации в проблему. Для истории, как и для других наук, губительным является

большой объем эмпирической информации при отсутствии принципов классификации, которое выливается в наличие большого количества «томов» и в отсутствие однообразного категориального аппарата, в связи с чем историки не всегда могут понять друг друга и полно описать исследуемый ими объект: «слово «род» обычно применяется к понятию «родовой строй», но «род бояр Шуйских» сюда явно не относится» [1; 21]. В связи с вышеуказанным следует отметить, что историк по необходимости изучает не предмет, не реальные явления, а слова, уже потерявшие смысл.

История Гумилевым представляется в виде многогранного явления: история социально-экономических формаций, военная история в виде описания походов и битв, история техники, история культуры и т.д., но все названные дисциплины являются частью всеобщей истории. В работе «Конец и вновь начало» он отмечает, что история относится к гуманитарным наукам, оперирует информацией, записанной в текстах, которая позволяет многое узнавать, но не понимать.

Гумилев предлагает при характеристике исторических эпох использовать методологию естественных наук, согласно которой имеющийся материал исследуется путем синхронизации на основе сопоставления сведений, достоверность которых аксиоматична, и называет этот метод «эмпирическое обобщение». Новым в этой методике будет сочетание фактов в предлагаемом аспекте. Он подчеркивает, что эмпирическое обобщение представляет собой среднюю стадию осмысления проблемы и предшествует философскому обобщению, однако говорит о том, что излишние, «мелкие», сведения лишь мешают раскрытию предмета, создают «шумы»: «...для уяснения природы явлений следует охватывать всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, а не сведения, имеющиеся в арсенале науки» [1; 27].

В непосредственном наблюдении нам раскрывается не предмет, а границы, его обозначающие. История

рассматривается как граница «...социальной формы движения материи и четырех природных...» [1; 33]. Гумилев при характеристике истории объявляет несостоятельными гуманитарные концепции, которые рассматривают влияние на исторический процесс географических, биологических и духовных факторов, а не их взаимосвязь. И в качестве проясняющего «запутанные» места в истории он предлагает использовать такой метод познания, как анализ, и лишь потом перейти к учету результатов различных методик исследования, представляющихся в синтезе.

История — это попытка среди вымысла и искажений обнаружить истину. «...Только история может подарить естественным наукам абсолютную хронологию, получив от них взамен способы эмпирического обобщения» [1; 286].

Размышляя о задачах науки, Гумилев подчеркивает, что получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов способствует выделению закономерностей, которые позволяют с определенной позиции понимать различные явления и помогают ориентироваться в них. Указанные закономерности не очевидны, но и не выдуманы, исследователь получает их благодаря обобщению. Изучение любого предмета можно признать перспективным лишь в том случае, если исследователь может охватить его «целиком», для историка — это отображение комплекса взаимосвязанных событий в едином рассуждении.

Социальные и природные явления имеют точку соприкосновения друг с другом и не рассматриваются как идентичные. Исследуя человека с позиций естествознания и истории, констатируется, что применение при изучении выделенного объекта возможностей специальных дисциплин не отрицает наличия возможных других аспектов исследования.

Рассматривая сочетание «природоведения» и истории Гумилев отмечает, что в древности не могло возникнуть проблем при сочетании этих отраслей научного знания, так как увековечи-

вались все события, которые необходимо было донести до потомков: «Войны и потопа, перевороты и эпидемии, рождение гения и полет кометы...» [1; 31]. Благодаря распространённому принципу ассоциаций рассматривалась связь между природными явлениями и судьбами людей. Однако в дальнейшем, в связи с бурным развитием науки, данный метод не использовался, так как был объявлен несостоятельным.

История представляет собой полифакторное явление, так как при рассмотрении многообразных процессов внимание уделяется географическим, биологическим, социально-политическим, историко-психологическим, культурологическим факторам. Историю нельзя однозначно отнести к гуманитарным наукам. Ее гуманитарность проявляется при изучении результатов человеческой деятельности: зданий и заводов, книг, фольклора, философских систем и мистической ереси, орудий труда, утвари, посуды и т.д. Гумилев отмечает, что принято считать гуманитарными науками те науки, которые изучают человека и его деятельность, науки, изучающие природу во всех ее проявлениях — живую, костную, мертвую, принято считать естественными. Однако подобное деление противоречиво, так как существуют науки, изучающие человека, но не являющиеся гуманитарными. Например, медицина, физиология и антропология. Поэтому Гумилев считает, что классифицировать науки нужно не по предмету изучения, а по способу получения первичной информации. Он выделяет два возможных способа исследования: гуманитарный — чтение, выслушивание и сообщение плодов свободной мысли, способ естествознания — наблюдение, эксперимент.

Гумилев утверждает, что задачей истории является изучение процессов, длительных во времени, однако дать четкую характеристику времени никто не может в связи отсутствием возможности существования вне времени. Время существует лишь для живых, уход одного — это потеря для

многих, так как побеждает враг жизни — время. Примериться с потерей, забыть исчезнувших — значит, проиграть времени, и здесь на помощь приходит Память — преграда сознания, которая делит бытие на прошлое, настоящее и будущее. Реальным из форм времени является только прошлое. Настоящее — момент, мгновенно преобразующийся в прошлое. Будущего нет, так как неизвестно, будут ли реализованы условия, детерминирующие его. Будущее можно лишь предположить, а предположение не несет практической ценности. Вот почему наука история изучает единственную реальность, существующую вне нас и помимо нас [2]. Зафиксированное прошлое воплощается в настоящее и при должном обращении реализуется в успех, позволяет находить оптимальные варианты поведения для достижения будущих целей. В связи с чем историческое время проявляется сквозь призму насыщенности событиями: «Вакуум — это мир без истории» [1;488].

Одной из основных предпосылок исследований Гумилева является его мысль о том, что существовавшая до сих пор историческая наука неточна, т.к. привыкла опираться на искаженные и тенденциозные данные источников, что ведет к мифологизации представлений об истории. Необходимо очистить ее от этих элементов и поставить на твердую фактическую основу. Отмечается возможность истории проследить закономерности явлений природы, что позволяет рассматривать ее как вспомогательную естественнонаучную дисциплину. Более конкретно подход Льва Николаевича Гумилева к истории состоит в том, что он решил сделать свою этнологию естественной наукой. Обосновывая такой подход, Гумилев говорил, что человек, помимо того, что он — существо социальное, является частью природы и не может быть из нее исключен. На него, как и на любого представителя живой и неживой природы, распространяются ее законы, поэтому естествознание не может быть исключено из процесса из-

учения любых аспектов жизни людей, в том числе и исторических.

Современная историческая наука в своем арсенале имеет несколько подходов к интерпретации исторического процесса — монистический и плюралистический, которые сосредоточены вокруг гносеологической проблематики, и в частности — вокруг проблемы единства мирового исторического процесса. Одни ученые, Н.Н. Моисеев, К.М. Кантор [3], настаивают на том, что история многообразна, каждая цивилизация имеет свою историю и может развиваться независимо от других, либо сосуществовать по принципу преемственности. В данном случае речь идет о том, что былая локальность, изолированность культур исчерпали себя, и это ярко демонстрируют глобализационные процессы.

Представители противоположной точки зрения, В.М. Межуев, Т.В. Панфилова, В.И. Уколова [4], настаивают на монистическом понимании истории, считая, что вариации культур и цивилизаций — это суть одно, а история, осмысленная с позиций современных реалий, в планетарном масштабе представляется как история единого человечества.

Сторонники третьей позиции, П.С. Гуревич, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, И.Д. Ковальченко [5], отстаивали идею соединения принципов монизма и плюрализма в понимании истории, в связи с чем считают, что множественность исторического процесса не исключает концепцию поиска всемирной истории. Множество существующих на планете культур способны придать всемирной истории специфический вид, а изучение множества позволит получить объективное знание о единичных и особенных явлениях исторического процесса.

В разнообразии альтернативных подходов к мировому историческому процессу Гумилев прокладывает собственную линию, выделяя этнос как единицу исторического исследования и синтезируя закономерности всемирно-исторического развития с локальными особенностями культур;

М.А. Игошева в своем диссертационном исследовании называет этот метод методом теоретической «лессировки» [6; 90]. Всемирно-исторический процесс представляется как соединение уникальных особенностей этнокультурных явлений с общечеловеческими свойствами разных народов.

Специфика методологического подхода Гумилева также выражается в междисциплинарном изучении исторического процесса, что явилось характерной чертой для всего периода постмодерна в науке конца XX века и было призвано решить задачу многоаспектности исследования всемирно-исторического процесса. Краеугольным камнем методологии постмодернизма является синтез знаний, находящий выражение в усилении взаимодействия научных школ, появлении гибридных наук на стыках разных отраслей знаний, усилении роли философии истории, подходах с использованием математических методов исследования. По мнению И.Т. Касавина [7; 15], в современной науке междисциплинарные исследования являются повседневным делом, хотя еще не стали предметом серьезного философского и научного осмысления.

Таким образом, теории Гумилева свойственна комплексность и междисциплинарность, хотя он избегает крайностей различных подходов к синтезу знания — не настаивает на использовании в истории синтеза только гуманитарных наук, отказывается от при-

влечения общих идей естествознания к созданию и обоснованию концепций гуманитарного толка. Его позиция вытекает из комплекса естественно-гуманитарного знания, что проявляется в синтезе таких гуманитарных наук, как история и археология, история и этнография; в синтезе исторических сведений общими идеями таких естественных наук как география, биофизика, психология; в использовании принципов системного анализа, законов физики и математического моделирования в обосновании явлений этнической истории. Однако, по мнению Гумилева, преимуществом обладает использование синтеза исторических данных с общими идеями и методами естественных наук. В трудах Гумилева естествознание органично вплетено в историческое измерение, а история народов рассматривается диалектически, т.е. не только в развитии, но и во взаимодействии со многими другими факторами, и прежде всего — с природой.

Можно сделать вывод о том, что научное познание на современном этапе развития характеризуется интегративностью, на что указывает и Л.Н. Гумилев. Различные, подчас противоположные, тенденции не вытесняют друг друга из арсенала науки, а, напротив, предполагают и дополняют. Отмеченные тенденции позволяют ставить более глубокие проблемы перед учеными и формулировать наиболее оригинальные и перспективные способы их решения.

Примечания:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2014. 560 с.
2. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады ВГО. Л., 1970. Вып. 15. С.143-157.
3. Петякшева Н.И. Проблема диалога цивилизаций // Вопросы философии. 1996. №1. С. 186-189; Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. С. 3-30; Кантор К.М. Дезинтеграционно-интеграционная спираль всемирной истории // Вопросы философии. 1997. №3. С. 31-47.
4. Межуев В.М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. №4. С. 74-86; Панфилова Т.В. Формационный и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. №6. С. 84-97; Уколова В.И. Рецензия на книгу Трельча Э. «Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории». М.: Юрист, 1994. 684 с. // Новая и новейшая история. 1996. №3. С. 214-216.
5. Гуревич П.С. Жребий человечества // Свободная мысль. 1992. №17. С. 7-16; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Парадигма русской философии истории // Свободная мысль. 1995. №5. С. 42-54; Ковальченко И.Д. Многомерность исторического развития // Свободная мысль. 1995. №10. С. 77-88.

6. Игошева М.А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1998. 163 с.

7. Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИНФРАН, 2010. 205 с.

References:

1. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. — M.: Iris Press, 2014, 560. p.
2. Gumiljev L.N. Ethnos and time category // Reports, VGO. — Issue. 15, L., 1970, pp. 143-157.

3. Petyaksheva N.I. The issue of dialogue among civilizations // Questions of Philosophy, 1996, No.1, pp. 186-189, p. 187; Moiseev N.N. Modern anthropogeny and civilizational faults. Environmental and Political Analysis // Questions of Philosophy. 1995, No.1, pp. 3-30, p.11; Kantor K.M. Disintegration-integration spiral of the world history // Questions of Philosophy. 1997. No.3, pp. 31-47, p. 44.

4. Mezhuev V.M. Philosophy of history and history science // Questions of Philosophy. 1994, No. 4, pp. 74-86, p. 86; Panfilova T.V. Formational and «civilizational» approaches: opportunities and limitation // Social sciences and the present. 1993, №6, pp. 84-97, p. 97; Ukolova V.I. Book review: Troeltsch E. «Historicism and its problems: the logical problem of the philosophy of history» (M. Yurist, 1994, 684 p.) // Modern and Contemporary History. 1996. №3, pp. 214-216, p. 216.

5. Gurevich P.S. The fate of mankind // Free Thought. 1992. No.17, pp. 7-16, p.16; Novikova L.I., Sizemskaya I.N. The paradigm of Russian philosophy of history // Free Thought. 1995. No.5, pp. 42-54, p. 42; Koval'chenko I.D. Multidimensionality of the historical development // Free Thought. 1995. No.10. pp. 77-88, p. 78.

6. Igosheva M.A. Cultural status of the concept of ethnogenesis of L.N.Gumilev: Dis. Cand. Philosophy. Sciences: 24.00.01. Rostov-on-Don, 1998. 163 p.

7. Interdisciplinarity in Sciences and Philosophy / Ed. I.T. Kasavin. M.: INFRAN, 2010. p. 205.